

Дмитрий ЛАГУТИН

Родился в 1990 году в Брянске. Окончил юридический факультет Брянского государственного университета, работал юрисконсультom в сфере строительства. Редактор отдела прозы журнала «Наш современник».

В 2017 году занял первое место в Международном конкурсе «Всемирный Пушкин» в номинации «Проза». Лауреат Национальной премии «Русские рифмы», «Русское слово» в номинации «Лучший сборник рассказов». Рассказы публиковались в журналах «Нижний Новгород», «Новый берег», «Волга», «Нева», «Дальний Восток», в сетевых изданиях «Литература», «Южный остров».

Живет в Брянске.

СЕРЕДИНА ЛЕТА

Проснулся Андрей к обеду – потому как допоздна сидел за компьютером и переписывался. Сперва собеседников было немало, и дело шло весело, но затем они стали прощаться и пропадать из сети – и в конце концов Андрей остался один на один с Витьком, который вообще спал абы как и ложился под утро.

– Бессонница, Андрюх, – объяснял Витек. – Сбил себе режим напрочь.

С Витьком переписывались сперва про учебу, потом про лето, от которого оставалась ровно половина, потом гадали, чем третий курс будет отличаться от второго, вспоминали, чем второй отличался от первого, строили планы на «экватор». Потом вспоминали попойки прошлого года, потом – позапрошлого. Витек рассказал, что его родители уехали на море, а его оставили – и он уже вторую неделю живет один, как «царь». Смотрит, если не спит или не переписывается, сериалы, щекочет нервы ужастиками.

С разговора об ужастиках перешли к страшным историям и городским легендам – и стали забрасывать друг друга ссылками, читать и комментировать.

В какой-то момент Андрей не без стыда признался сам себе: он рад, что его родители в отличие от родителей Витька не уехали на море, а мирно спят в соседней комнате. Он даже обернулся и посмотрел через плечо на стену с лесенкой и турником, с нее перевел взгляд на закрытую дверь. Отринул нелепую мысль о том, чтобы зажечь в комнате люстру, и остался сидеть при желтом свете настольной лампы и голубоватом – монитора.

«Я-то ладно, – думал Андрей, барабаня по клавиатуре. – А вот Витьку сейчас каково...»

Витек рассыпался испуганными смайликами, но в целом, кажется, держался молодцом.

«Написать ему, чтобы обернулся? – думал Андрей, открывая очередную ссылку с рассказом о заброшенной железнодорожной ветке. – Нет, слишком жестоко с моей стороны».

И ему уже жутко было самому оборачиваться – но он нарочно оборачивался и всматривался в тающие в полумраке углы, в черную щель под дверь. Затем и вовсе мужественно вылез из-за стола и протопал в коридор, а из коридора – мимо угадывающегося по сумрачным бликам зеркала – в кухню. В кухне он налил стакан воды, подумал, не сходить ли в подъезд покурить, но решил, что перебудит так весь дом – и поэтому, конечно, не стоит, а не из-за пустого, с эхом и стрекотом ламп, подъезда, одна из квартир которого, на первом этаже, пустует, и дверь в нее заколочена сколько он себя помнит... Решил – и вернулся в комнату, закрыл за собой, развернул переписку.

Витек паниковал из-за того, что Андрей пропал и не отвечает, – и был уже готов звонить, если не вызывать такси.

«Я тут, – написал Андрей. – Курить ходил».

В какой-то момент за окном забарабанил дождь, Андрей даже дотянулся до шторы, сдвинул ее в сторону – и увидел, как раскачивается, пропадая и появляясь в свете фонаря, густая блестящая листва. Точно сама ночь, похожая на плотный косяк жирных черно-желтых рыб клубилась перед домом и терлась о него чешуей.

И потом, когда уже попрощались и монитор со всеми железнодорожными ветками, и проклятыми фотографиями, и древними башнями, и смертельными файлами, погас – а вместе с ним погасла и настольная лампа, – Андрей долго не мог уснуть и вертелся, слушал, как дождь стучит и стучит, усиливаясь. Потом провалился-таки в беспокойный, полный образов и видений сон – сквозь который слышал, как рокочет над домом гром, как шумит уже не просто дождь, а полноценная гроза. И если бы Андрей проснулся как следует и, например, вышел все-таки на подъездный балкон с сигаретой, то увидел бы сквозь ливень и терзаемую ветром листву, как рассекают ночное небо, озаряют округу ослепительно-белым светом молнии. Но Андрей не просыпался как следует – а потом и вовсе из беспокойного сна переключался в спокойный и глубокий, и спал до самого обеда, который в его случае выполнял заодно и роль завтрака.

День – выполнявший заодно в случае Андрея и роль утра – был сер, тих и влажен, если не сказать мокр. Гроза отгремела и умчалась, а после нее остались лужи и скатывающиеся отовсюду неохотно капли, закрытое пеленой облаков небо. Трава и кроны казались зеленее обычного – зато все вокруг точно поблекло и растеряло краски. Андрей, зевая, почесывая колючий подбородок, прошагал из комнаты в ванную, умылся, цыкнул приветственно отражению в зеркале, размазал по подбородку пену для бритья, но потом передумал и смыл. Походил, насвистывая, по пустой и светлой квартире – как одно и то же место может быть таким разным в зависимости от времени суток? – включил и оставил беззвучно моргать картинками телевизор, изучил оставленную родителями записку-меню. На обед Андрею полагались салат и кастрюлька борща, мать просила ближе к четырем достать из холодильника и выставить на стол тесто – пусть размораживается.

– Борщ, – кивнул Андрей. – Борщ – это хорошо.

Он обулся и вышел в подъезд, на крошечный, поросший по трещинам травой балкончик. Покурил, оглядывая двор, пощипал предназначенные

для просушивания белья веревки – с них посыпались вниз серебряные бусины.

С высоты балкона двор – густо засаженный деревьями – казался небольшим лесом, в который по недоразумению воткнули подковой пятиэтажные коробки. Сквозь листву поблескивали тут и там крыши припаркованных машин, сквозь листву темнела же баскетбольная площадка и мерцали свинцово, отражая облака, лужи на дорожках. Выше, над кронами, горбилась крыша противоположного дома, а за ней вставали новые кроны, выше дворовых, – и прямо на них, казалось, уже лежали тяжелые, матрасом, облака.

Покурив и вернувшись в квартиру, Андрей разогрел и оставил остывать борщ, а сам разбудил компьютер и написал Витьку – жив он вообще? Витек был, несомненно, жив – но, по-видимому, еще спал, а потому на сообщения отвечать не торопился. Андрей выбрал фильм, принес в комнату и борщ, и салат, щедро залитый майонезом, отжался от пола тридцать раз, столько же раз присел – запустил фильм и с чистой совестью приступил к обеду.

Фильм оказался дурацкий и неинтересный – и Андрей еще с салатом не расправился, а уже свернул проигрыватель и запрыгал по сети от ролика к ролику: посмотрел и про телефонных мошенников, и про беличью олимпиаду, и про то, как выбивать страйки в боулинг-клубе, и про нереализованные архитектурные проекты, и про забытые маяки, и про редкие виды рыб...

– На данный момент науке известны около тридцати двух тысяч видов рыб, – говорил ведущий, раскачиваясь вместе с палубой яхты и щурясь от солнца. – Но каждый год наш реестр пополняется на триста-четыреста позиций...

«Триста-четыреста позиций... – подумал Андрей. – Это через десять лет известных видов будет уже... Тридцать шесть тысяч. А еще через десять... сорок две...»

Получалось, что к его пятидесятилетию реестры будут пухнуть от почти что пятидесяти тысяч – вот так совпадение! – наименований. Или к тому времени новые виды закончатся и ученым нечем будет заниматься?

Когда кастрюлька опустела, Андрей еще раз сходил на подъездный балкон, затем вымыл посуду, свернул и сунул в сигаретную пачку записку – с просьбой о тесте – чтобы не забыть. Оценил время и влез под скомканное одеяло, расправил его на себе – до выхода можно было подремать.

Тикали на тумбочке часы, гудел негромко вентилятор в системном блоке – а больше на всю квартиру не раздавалось ни звука. Андрей устроился поудобнее, уткнулся носом в сгиб локтя – чтобы не вставать и не зашторивать окно – и быстро, с готовностью даже, уснул, а во сне увидел себя пилотом тесного, почти игрушечного кукурузника. Кукурузник то летел среди облаков, то катился по широкой дороге, дребезжа и громяхая колесами, Андрей открывал кабину и привставал в кресле, высывался наружу, чтобы оценить обстановку, – а болтающаяся над приборной панелью на проводе рация горланила сквозь помехи и шипение:

– Мо-оре, мо-оре, мир бездо-онный!

Андрей проснулся ровно через час, по будильнику. Полежал, глядя в потолок, потер лицо ладонями. Встал и проверил переписку – Витек очухался и сообщал, что жив-здоров, а с чего бы ему таковым не быть, и спрашивал, собирается ли Андрей на сегодняшний сабантуй, к Кукушкиной.

– Опять пить, – обреченно пробормотал Андрей. – Займешься тут здоровьем...

Он уточнил время и сказал, что подумает, что к всеобщему сбору не успеет – работа есть работа, – а позже... ну, почему нет? может, и придет, если настроение будет.

Отвечая так, он кокетничал и набивал себе цену – потому что знал, что с настроением, конечно, все будет в порядке, а от работы до Кукушкиной два шага, можно даже и пешком прогуляться.

Андрей постоял на подъездном балкончике – серо и сыро, только облака будто стали еще угрюмее, опустились ниже, – пристроил в центре обеденного стола миску с тестом, почистил еще раз зубы. Покидал в спортивную сумку вещи, отзвонился родителям – все в порядке, сыт, одет, спешу на работу – и через несколько минут уже выходил из двора, шагал по серо-зеленой улице в сторону троллейбусной остановки. Ветви шатром нависали над тротуаром, дотягивались, отяжелевшие от воды, до стен и окон, и Андрею казалось, что он шагает не по улице, а по тоннелю вроде тех, которые изображают в фильмах.

Еще через несколько минут он уже трясся в полупустом троллейбусе – повезло, к остановке подобрались одновременно, точно спешили навстречу друг другу. Андрей сидел у окна, устроив сумку на соседнем кресле, – и смотрел, как проползают мимо сонные серые улицы, перекрестки со светофорами, лужи-лужи-лужи, редкие зонты. Кондуктор дремал, повесив голову на воротник зеленой жилетки, дремали несколько старушек, разбросанные по троллейбусу, дремал даже лохматый подросток в огромных наушниках – царапая правым стекло. Узнай Андрей, что водитель вращает руль и притормаживает у остановок, не открывая глаз, – он бы не удивился. Вообще казалось, что все вокруг если не спит, то именно что дремлет – и плывущие мимо и навстречу автомобили, и понурые задумчивые пешеходы, и дома, и парки, и тротуары с клумбами, и витрины с безглазыми манекенами, и нехотя меняющиеся картинки на рекламных щитах... Облака точно одеялом накрывали город – и баюкали: а, а, а, спите-спите, спите-спите...

И везде капало, и темнел мокрый асфальт, и светились тускло овальные лужи-зеркала.

– Это куда ж мы приехали? – заохала вдруг одна из старушек, встрепенувшись.

– Старый аэропорт... – пробормотал, не поднимая головы, кондуктор.

– Батюшки! А что ж вы меня не разбудили!

– А я вам разве телепат?

Троллейбус остановился, и старушка, охая, проковыляла к дверям, охая, вылезла наружу – и дальше уже ехали без нее.

А потом Андрей шел сквозь тесно заставленный новостройками район – тоже серый, а зелени меньше, – огибал площадки и лабиринты из лесенок, проходил под низкими сводами арок, оглядывался и срезал по газонам, пока не оказался перед облупленным крыльцом тренажерного зала.

За широкими, ярко освещенными окнами уже видны были разминающиеся качки.

– Опа-аздыбаετε, Андрей Николаевич, – пожурила Андрея гардеробщица из-за своей стойки.

– Задерживаюсь, – парировал Андрей и, кивнув качкам, прошагал в тренажерную.

В тренажерном зале – который все, кроме Киры, называли исключительно качалкой – Андрей подрабатывал уже второе лето – заме-

няя двоюродного брата. Брат был могуч и рельефен, как горная гряда, и в течение года тренировал в вечернюю смену всех, кому требовалась его помощь – составлял программы и планы питания, следил за верным выполнением упражнений и советовал вот это прорабатывать активнее, а на это пока закрыть глаза – но каждое лето улетал в Турцию аниматором и на три месяца оставлял вечернюю смену без присмотра.

Днем и утром занимались дети – их гоняла бывшая учительница физкультуры. Посетители старше восемнадцати приходили после семнадцати – и могли заниматься до двадцати одного.

С семнадцати до двадцати одного шесть раз в неделю должен был сидеть в качалке и Андрей – вместо брата. То есть брат как раз не сидел – а кружился юлой между тренажерами, – а Андрею предлагалось и впрямь только сидеть и смотреть, чтобы качки чего не разломали или, например, не передрались.

Хотя реши они сделать то или другое, вряд ли Андрей смог бы им помешать.

За такой нехитрый труд Андрею платились какие-никакие деньги – чему он был вполне себе рад. Прошлым летом, впервые заступив на пост, он тушевался и робел, ему все чудилось, что на него смотрят насмешливо или даже презрительно – на фоне качков он казался прислоненной к стене палкой, – но со временем обвыкся, успокоился, перезнакомился со всеми, с кем-то даже завел дружбу и из прислоненной к стене палки как будто превратился в предмет интерьера – есть и есть, сидит себе и сидит.

В тренерской пахло колбасой – которой, по-видимому, перебивалась упорхнувшая еще до прихода Андрея сменщица. Во всех же остальных помещениях качалки – даже в подсобных – пахло исключительно потом, причем запах этот въедался в стены, в пол и потолок так крепко, что, казалось, не связан уже ни с тренажерами, ни с качками, а был здесь всегда, еще на этапе строительства дома. Еще кирпичи, выгружаемые рабочими из фургонов, наверное, пахли потом.

– Семеныч, а чем это кирпичи пахнут? Чуешь, нет?

– Слушай, не пойму... Потом, что ли...

– Знатная будет качалка!

Временами в распахнутые окна врывался душистый и прохладный ветерок – кружил вдоль стен, шевелил развешанные на кнопках схемы и графики, – и качки жадно раздували ноздри, тянулись ветерку навстречу.

Такой же эффект производили Кирины духи.

Андрей оставил в тренерской вещи, отметил в журнале, завернул в коридорчик к раздевалкам и ткнул кулаком тяжелую, подвешенную за крюк, грушу. Затем прошелся по залу и пожал руки качкам – и только после этого устроился на своем привычном месте: за столом у двери, спиной к громоздкому, похожему на броню боевого робота пулловеру.

Когда Андрею надоедало сидеть за столом или расхаживать по залу, он залезал в пулловер и висел в нем, запрокинув руки за голову.

– Как там погода, Андрюх?

Андрей пожал плечами.

– Серо и сыро.

– Сыро – от «сыр»?

И качки загоготали.

Андрей улыбнулся – смешно.

– А серо – от «серы», – кивнул он.

Качки загоготали громче, затем их гогот потонул в железном лязге.

– А чего вы в тишине-то? – спросил Андрей, вылез из-за стола и шагнул к магнитофону. Воткнул вилку в розетку – и теперь уже лязг железа потонул в грохоте тяжеляка.

– Потише, Андрюх! – закричали качки от тренажеров. – Ухи нежные!

– Это кто-то выкрутил, блин... – проворчал Андрей и привстал на цыпочки, погладил колесико, делая тише.

– Отлично, Андрюх, спасибо!

– Спасибо, Андрюх!

Магнитофон в качалке играл кассетный – едва ли не старше самого Андрея – и требовал деликатного подхода: капризничал, не слушался и отвечал на грубость тишиной. Надавишь на колесико сильнее положенного – и никакого тебе тяжеляка.

– Да о чем речь, мужики, – Андрей оставил магнитофон в покое и вернулся за стол. Посидел, подперев подбородок, глядя на густо-серое окно, затем достал телефон и принялся проходить по сотому разу игру с разноцветными кирпичиками, ставить очередной рекорд.

Кирпичики сыпались друг на друга, складывались в комбинации и исчезали, уступая место новым, гремело железо – блины и грифы, гантели и тренажерные блоки на тросах, – гремел тяжеляк, качки кричат, порывивали, страховали друг друга, хохотали и отпускали сальные шуточки. Минутная стрелка над пулловером медленно чертила по циферблату круг – смотреть на нее было необязательно, Андрей чувствовал ее ход затылком и мог, не задумываясь, озвучить время, спроси его кто в надежде застать врасплох.

Спустя полчаса и девятнадцать тысяч очков – включая четыре легендарные комбинации, удваивающие результат, – спустя пять песен с кассеты «Музло для кача», заботливо записанной братом, пришел – как по часам – Гирич и пробасил над столом Андрея дежурное:

– Опять мир спасаешь?

Андрей кивнул и, не отрывая глаз от кубиков, пожал гигантскую руку.

Гирич был одним из тех, с кем Андрей почти подружился, – и иной раз, если народу было мало, с ним можно было здорово поболтать про учебу, и про музыку, и про все на свете. Гирич учился на экономическом, снимал неподалеку однушку и из железа больше всего – сообразно фамилии – уважал гири. В связи с чем был не накачанным, а просто огромным.

– Гирия, – признавался он. – Одной гири достаточно, чтобы себя в форме держать.

– А нахрена ж ты тогда сюда ходишь? – спрашивали резонно качки. – Купи себе гирию и тягай ее дома.

– Дома скучно, мужики. Человеку нужен человек.

Гирич скрылся в раздевалке, вернулся через минуту и пролез между качками в дальний угол – занятый любимыми снарядами. Когда Андрей проиграл – а выиграть в этой игре было невозможно, можно было только ставить рекорд за рекордом, а затем проигрывать, – когда Андрей проиграл, Гирич уже всю размахивал в дальнем углу тридцатишестикилограммовой бандурой, а качки – даже те, кто был и больше, и сильнее, – держались на почтительном расстоянии и обходили Гирича по дуге.

Выглянула в зал гардеробщица, сказала Андрею:

– Я в магазин.

И ушла, не дожидаясь его реакции, – да и что он, запретит ей, что ли?

Гардеробщица вышла, а хирург – тоже огромный, но, в отличие от Гирича, раскачанный – зашел. Переобулся, оглядел всех через прямоугольные

очки, почтительно поздоровался с Андреем, блеснул в свете ламп лысиной и отправился переодеваться.

Хирург был настоящим хирургом – и работал в местной поликлинике. Он был, что называется, возрастным – под пятьдесят – и считался главным интеллигентом качалки: молчаливый, вежливый, улыбается приветливо, может уступить тренажер, если попросят. Ни с кем не разговаривает, но слушает внимательно и кивает – да, все так. А если нет, не так, то склонит голову набок – и чуть прищурится из-за очков – и сразу понятно, что нет, не так.

Андрей вылез из-за стола, проплыл по залу с видом начальника, перекинулся с красным, точно свекла, Гиричем парой фраз, ушел в коридорчик к раздевалкам и постучал по груше. Повисел на турнике, чувствуя, как растягиваются стиснутые кирпичиками позвонки, вернулся на свое место, но телефон отодвинул, положил экраном вниз – и вместо этого стал качаться на стуле в поисках баланса: чтобы ногами не касаться пола, а руками – стола и при этом не лететь вверх тормашками к подножью пулловера, а висеть точно в невесомости, неподвижно и изящно.

Раз – прошлым летом еще – полетел: в последний момент дернулся всем телом, поддел ногами столешницу, чуть не перевернул стол, но все равно упал, ощутимо приложился лопатками о спинку стула.

Вернулась гардеробщица.

– Все качаетесь, Андрей Николаевич, – вздохнула она. – Лучше б книжку почитали. Дать вам Достоевского?

Андрей оставил попытки нащупать баланс и сел ровно.

– Нет, спасибо. Это же качалка, вот я и качаюсь.

Те качки, что были неподалеку, заготовили одобрительно, гардеробщица фыркнула и удалилась. Гогот качков зазвучал особенно громко, потому что как раз в этот миг замолчал тяжеляк – доиграла первая сторона кассеты. Андрей вскинул палец вверх – без паники! – и в один миг оказался у магнитофона. Достал кассету, перевернул, запустил, приподнявшись на цыпочки, – и качалку вновь затрясло.

– Спасибо, Андрюх!

Андрей махнул рукой – о чем речь? – заглянул в тренерскую за сигаретами и ушел курить.

Курил Андрей во дворе – по ту сторону от качалки – на скамейке у ближайшего подъезда. Он обошел дом, прошаркав подошвами в арке, добрался до разошедшейся желто-зеленой скамейки, плюхнулся на нее, закинул ногу за ногу.

Со скамейки открывался отличный вид на двор – дорожки, спортивная площадка, детский городок из беседки, качелей типа «коромысло» и два никому не нужных барабана с гнутыми боками. Клумбы, несколько полупрозрачных березок – и тьма-тьмущая припаркованных машин. И дома – почти смыкающиеся друг с другом, подпирающие всеми своими двенадцатью этажами облака.

Облака и впрямь лежали совсем низко – накрывая двор на манер крышки. Теперь они были еще темнее, но оставались серыми – и за ними серым оставалось все вокруг, точно кто-то мелко заштриховал карандашом и асфальт, и дома, и клумбы с автомобилями.

И продолжал заштриховывать слой за слоем – по мере приближения вечера.

Андрей выпустил одно за другим несколько дымных колец – их тут же снесло ветром. Ветер гулял по двору и с тихим шорохом катал вдоль бордюров сухую листву. Вокруг беседки прогуливались не спеша мамочки

с колясками, у дальнего подъезда сидела неподвижно бабулька в берете, ленивого вида мужик ходил вокруг серебристой хонды с шашечками на крыше и фотографировал ее – Андрей не помнил, до или после смены это положено делать. Больше во дворе никого как будто и не было.

Пахло песком и – разумеется – табачным дымом.

– Что за день-то такой, – и Андрей зевнул. – Сонный...

Точно все вокруг вместе с ним не ложилось допоздна и читало истории, найденные Витьком.

Ветер засвистел, понесся через арку вон из двора и бросил в лицо Андрею горсть песка. Андрей зажмурился, зафыркал – и потом, докуривая, долго отплевывался и вытирал губы рукавом.

Перед тем как затушить сигарету и метким щелбаном отправить ее в урну – а до урны метра три, не меньше! – Андрей выгнул спину, запрокинул руки за голову и потянулся, приподняв поясницу над скамейкой так, как приподнимают ее во время жима лежа качки. И увидел над собой, на одной из лоджий, на тумбе или чем-то похожем на тумбу, огромный патефон – с поблескивающей, медной будто, трубой. А рядом с патефоном – закопченную керосиновую лампу. Увидел и присвистнул – потому что тут же представил себе: вечер, сиреневые лучи заката кое-как протискиваются во двор, по дорожкам гуляют жильцы – и слушают, как играет с лоджии патефон. Вращается пластинка, над ней висит, точно и не касаясь, игла. А как станет потемнее – разгорается, светит мягко и оранжево керосинка.

«А на пластинке – тяжеляк, – усмехнулся Андрей. – Музло для кача».

Он метнул окурочек в урну, кивнул своей удали и спрыгнул со скамейки, зашагал к арке. Обошел дом, думая про патефон и лампу – старье, скорее всего, выкинуть жалко, но и хранить, кроме лоджии, негде, – поднялся на крыльцо качалки, умилился тому, как живописно опрокидываются на газон прямоугольники света от окон. Опрокидываются и вытягиваются до самого тротуара, расширяются чуть по краям – превращаясь в трапеции.

– Курите, Андрей Николаевич, – покачала головой гардеробщица. – И не стыдно?

– Стыдно.

Не успел он спрятать сигареты в тренерской и усесться за стол, как по качалке пронесся гомон:

– Кирюха, мужики! Кирюха идет!

Андрей приосанился, сел свободнее, пригладил волосы, и в следующий миг на пороге зала уже стояла Кира – как всегда сияющая, улыбающаяся ослепительно, сверкающая глазами. Грудь вперед, осанка – хоть уровень прикладывай, собранная в хвост прическа пружинит от стремительной ходьбы.

По залу поплыл аромат Кириных духов, качки задвигали ноздрями.

Если бы кирпичи на этапе стройки пахли не потом, а Кириными духами, рабочие растащили бы их по своим домам.

– Привет, мальчишки! – поздоровалась Кира.

Качки вразнойой забурчали приветствия, Гирич спрятался за тренажером.

– Здравствуйте, – кивнул Андрей.

Кира, пролетая мимо, подмигнула ему, через секунду хлопнула, закрываясь, дверь женской раздевалки.

Кира была единственной леди в коллективе – и ходила в «тренажерный зал» уже давно, чуть ли не с открытия, задолго до прошлого лета. То есть по вторникам и четвергам заявлялась еще Людмила – грузная и сумрачная, обильно потеющая, – но на фоне Киры ее никто, конечно, не

замечал. От брата и из анкеты Андрей знал, что Кира живет в этом же доме – десятью этажами выше, – что ей уже порядком за тридцать, что она разведена и воспитывает сына – этого в анкете, конечно, не было – и когда-то профессионально занималась гимнастикой.

Брат, по его словам, одно время был страшно в Киру влюблен – и даже собирался делать ей предложение, – но, «прощупав почву», понял, что это не взаимно, а получить отказ и затем все равно видеться трижды в неделю...

– Эдак меня мужики уважать перестанут, – объяснял он. – Увольняться придется.

Андрей знал наверняка, что почти все качки либо в то или иное время, либо в той или иной степени были к Кире равнодушны – Гирич вон и вовсе рядом с ней заикается и краснеет как дитя, даром что гвозди пальцами гнет, – но взаимностью она, насколько было известно Андрею, не ответила еще никому.

Да что там качки! Сам Андрей сох по Кире все прошлое лето – и первые пару недель этого, по старой памяти. А потом – ничего, успокоился. И хотя и продолжал восхищаться ею – как и все, – а все же сердце его уже не металось по грудной клетке, как боксерская груша, если Кира ему подмигивала приветственно, или спрашивала про режим работы на праздниках, или просила сделать «эту ужасную какофонию» потише, а то «и сквозь наушники как на концерте».

«Да и возраст же, – думал Андрей. – Я еще погремушки грыз, а она уже...»

Он высчитывал и ужасался – когда он грыз погремушки, она уже в университете училась, вокруг нее уже тогда все заикались и краснели!

Мысли о возрасте более, чем что-либо другое, позволяли ему относиться к Кире спокойнее остальных – кроме того он заменял тренера, а значит, хотя бы в мизерной степени мог рассчитывать на статус главного и какой-никакой авторитет. Качки же боялись встретиться с Кириной глазами – или, наоборот, смотрели только на нее и тогда роняли блины и проливали воду мимо рта – ходили, точно дрын проглотив, и избегали слишком больших весов, чтобы не оконфузиться.

То, что без Киры вызывало беззлбный гогот, при ней было равносильно самоубийству.

Кира же, казалось, ни на кого не обращала внимания: поставит на подоконник спортивную бутылочку с водой, заткнет уши наушниками, спрячет телефон в кармашек и занимается себе спокойно – разомнется, побегаёт на эллипсоиде, а потом приступает к упражнениям. Время от времени кто-нибудь обязательно вызывался помочь – подстраховать, придержать гриф, – и тогда Кира доставала удивленно один наушник, улыбалась лучезарно:

– Нет-нет, спасибо, я сама.

Вот и сейчас она выпорхнула из раздевалки, определила на место бутылочку и наушники и побежала, раскачивая бедрами и плечами, в такт эллипсоиду – который только для нее в зале и стоял и только ради нее вообще как будто был придуман.

Забиралась на него иногда Людмила – но потом ругалась и пересаживалась на велосипед, не могла сладить.

Бежала Кира с закрытыми глазами.

Андрей немного посмотрел на то, как она бежит, потом нашел взглядом пунцового Гирича, привалившегося к стене, достал телефон и пробежался по перепискам. Поздоровался с явившимися спасателями –

огромные, прямиком со страниц бодибилдерских журналов, друзья-эм-чеэсники, иногда и в форме приходят, сразу с дежурств, – уковывлял к раздевалкам и какое-то время лениво поколачивал грушу, радуясь тому, как обдирает костяшки пальцев грубая мешковина, в которую груша завернута.

– Все, победил, победил, – пошутил один из спасателей, возвращаясь в раздевалку за бинтами для колена. – Нокаут в третьем раунде.

Он подошел и попросил:

– Дай-ка я...

А затем размахнулся и ударом припечатал грушу к стене – крюк под потолком жалобно заскрипел. Придержал удовлетворенно за мешковину и пошел разминаться. Андрей посмотрел на вмятину, оставшуюся на груше от огромного кулака, крякнул досадливо и послонялся по коридорчику туда-сюда, повисел на турнике. Затем сходил в тренерскую за кошельком, пересчитал деньги и отправился в магазин, поболтав по пути от стола до двери с заикающимся Гиричем про учебу.

– К-какая там учеба... – прокряхтел Гирич, оглядываясь на Киру. – Н-не хочу учиться, хочу жениться...

И выдал улыбку.

– Я в тебя верю, – Андрей хлопнул Гирича по чугунному плечу.

– Я в себя не верю, – признался Гирич почти шепотом.

После светлого зала Андрею показалось, что по карандашной штриховке для верности прошлись темно-серой акварелью.

Накрапывал дождь – висел в воздухе моросью. Андрей прошел под ним, не ускоряя шага, не прячась, чувствуя, как приятно покалывает холодными каплями щеки и лоб, как легко и сладко – не воздух, а Кирины духи – дышится. Добрался до магазинчика и покурил под широким козырьком на крыльце, попускал в морось колец. Докурив, пропустил мужичка в джинсовке, даже дверь придержал по-джентльменски, и шагнул следом. И долго топтался у прилавка, ожидая, пока мужичок наберет два пакета продуктов.

– А вот эти яблоки – как? Вкусные? – спрашивал мужичок.

– Понятия не имею, – отвечала равнодушно продавщица. – Люди берут.

– Ну и давайте тогда, раз берут. А кефир с завода завозили?

– Нет.

Андрей топтался у прилавка, дышал хлебом и колбасой, ледяным как будто молоком и изучал ассортимент, который успел выучить наизусть.

– Как обычно? – спросила продавщица, когда мужичок, шурша пакетами, исчез за дверью.

– Угу.

Продавщица поставила перед Андреем бутылку питьевого йогурта, положила рядом сникерс. Андрей рассчитался, поблагодарил, потом извинился и попросил сигарет – на вечер, к Кукушкиной, – продавщица вздохнула и пробила пачку. Андрей попрощался и по той же мороси – не ускоряясь, подбрасывая и ловя йогурт, издалека глядя на светлые окна, за которыми мелькают силуэты, – вернулся в качалку.

Кира – раскрасневшаяся, со сбившейся на лоб челкой – качала пресс, Гирич носил от стены к стене двадцатипятикилограммовые блины – по блину в каждой руке – тренируя хват. Спасатели жали лежа и страховали один другого – спасали. Хирург стоял, навалившись локтями на подоконник, – отдыхал, смотрел в морось. Остальные делали кто что – и составляли обычную для качалки панораму.

– Как погода? – спросил, скрипя зубами, Гирич, точно окна могли соврать.

– Соу-соу, – покачал ладонью Андрей.

Он прошел в тренерскую, закрылся и перекусил – и пока перекусывал, наугад вытащил номер из стопки журналов – Muscul and Fitness, Ironman и все в таком роде – и без интереса листал глянцевые страницы, просто чтобы воткнуть взгляд во что-нибудь кроме стены. Со страниц на Андрея смотрели блестящие, в ветвистых сосудах качки – буро-коричневые, выгибающиеся и так, и эдак – и такие же... женщины-качки, мало чем отличающиеся от своих напарников.

Ни одна из обитательниц журнала – вообще всей стопки, ее Андрей за время работы изучил не хуже ассортимента в магазинчике – само собой, и близко не стояла рядом с Кирой.

– Согласно медицинским показателям, – прочитал Андрей нараспев, – пиво успешнее компенсирует дегидратацию, чем вода.

Он улыбнулся, отхлебнул йогурта, процедил через зубы кусочки ягод.

– Причина тому – соли и витамины, способствующие усвоению жидкости.

Он время от времени заговаривал с качками про образ их жизни – и знал, что Гирич, например, не дурак попить пива, а спасатели время от времени налегают на крепкое.

Хирург по законам жанра должен был пить медицинский спирт – но он как раз не употреблял вовсе.

Что предпочитала Кира, доподлинно известно не было, – но кто-то поговаривал, что однажды видел ее в ресторане с подругами, и пила она коктейль.

Перекусив, Андрей ушел во двор курить. Больше не моросило, над темным асфальтом точно пар плыл, пахло сладко ипряно. Скамейка была мокрая, и Андрей просто стоял перед ней, смотрел на двор, запрокидывал голову и разглядывал лампу с патефоном. Лампа, понятно, не горела. И патефон, конечно же, не играл. Двор тонул в сумерках, вокруг каждого освещенного окна колыхался теплый ореол. Тут и там капало негромко – постукивало и щелкало.

За час до конца смены, когда качков в зале стало меньше – обычно к этому времени большая часть завсегдатаев расходилась по домам, – Андрей переоделся в тренерской и сам приступил к тренировке. Побил как следует грушу – чтоб знала, – размялся: поприседал, покрутился из стороны в сторону, потянул, цепляясь за шведскую стенку, руки и ноги.

Кира вышла из раздевалки с вещами – свежая и бодрая, после, страшно сказать, душа, – увидела Андрея висящим на турнике и подняла большой палец: молодец, так держать. Андрей, не спрыгивая, кивнул – слушаюсь.

Хлопнула входная дверь – как хлопала, когда уходил Гирич, когда уходил хирург. Кроме Андрея от тренажера к тренажеру курсировал один из спасателей – второй куда-то торопился, закончил раньше обычного, – и пара студентов, имена которых Андрей все никак не мог запомнить.

– Андрюх, – позвали студенты. – А можно, мы свою музыку поставим? Мы и кассету прихватили, чудом нашли.

– Не у меня спрашивайте, – Андрей кивнул на рычащего от напряжения спасателя.

Спасатель качал бицепсы – и рычал так, словно ненавидел это занятие.

– Валяйте, – прохрипел он.

Студенты повисли на магнитофоне, защелкали кнопками, и вместо тяжеляка заиграла на всю качалку образцово-показательная рэпчина, из девяностых.

«Брат бы уши оборвал, – подумал Андрей. – Надо их предупредить ближе к сентябрю».

И он приуныл – сентябрь изо всех сил несся навстречу.

Покачал еще немного бицепсы и ушел переодеваться спасатель – точно не мог заниматься под рэп. Выпрыгнул, отфыркиваясь, с сумкой через плечо – и исчез, хлопнув дверью.

– Я в магазин, – сообщила гардеробщица и тоже хлопнула дверью.

Андрей пыхтел в пулловере – заставляя боевого робота складываться пополам, – водил туда-сюда гантелями, лежа на лавке, чувствуя, как натягиваются и ноют сладко грудные мышцы, между упражнениями спрашивал у груши за базар. Потел, пил воду маленькими глотками – много пить нельзя, приплохает, – отмечал результаты упражнений в специальном блокноте, считал прогресс и его скорость.

«Если не брошу заниматься, – думал Андрей, – через год буду жать восемьдесят, не меньше».

И он обещал себе не бросать, а продолжать ходить и осенью, и зимой, и далее, далее – просто посетителем, не тренером. Можно и поближе к дому зал найти – появляются сейчас как грибы после дождя, что ни месяц, то торжественное открытие, с акциями.

В разгар тренировки позвонил Витек, сказал, что все уже собрались и «начинают».

– Ты скоро-то?

Андрей, стараясь дышать ровно – после гантелей, – сказал, что скоро, конечно, но он же вообще-то работает, а не дурака валяет, а потому – в отличие от некоторых – не может срываться чуть что и синячить.

– Ой, ну все, – рассмеялся Витек. – Важный человек.

– Важный не важный, а делом занят.

И потом, пока он занимался, ему было приятно думать, что вот, они – одноклассники – сидят у Кукушкиной и пьянствуют, а он – качается, прорабатывает до боли, до зажмуривания, пресс и идет на личный рекорд по подтягиваниям.

Студенты уже отчалили и забрали с собой кассету с рэпом – и Андрей занимался в одиночестве и тишине. За окнами было совсем темно, ползали из стороны в сторону огни фар, звонко бились о карниз капли. Гремели блоки-утяжелители, поскрипывал на шведской стенке турник, шаркали по застеленному резиной полу подошвы кроссовок. Между упражнениями хорошо думалось, и Андрей думал про брата, про Киру, про одноклассников и одноклассниц, гудящих у Кукушкиной, о самой Кукушкиной – дочь большого начальника, а ведет себя нормально, свысока ни на кого не смотрит, – о том, что однажды целовался с ней, когда ходили группой на природу, об учебе, о том, не прогадал ли он с выбором факультета, об «экваторе» и выпускном, о выпускном из школы, на котором Андрею было скучно и даже тоскливо...

Закончив заниматься, он долго стоял под горячим душем, мылил что было сил подмышки и цеплял локтями старые, дребезжащие трубы. Затем вышел из душевой в раздевалку и, вытираясь, рассматривал себя в зеркало – вот и кубики вполне отчетливые, вот и нормальные такие бицепсы, а трицепсы и вовсе – сталь, а не трицепсы. И лицо как будто изменилось – мужественнее стало, острее, небритый подбородок

в тему, и осанка улучшилась... Главное – не бросать, продолжить занятия даже после того, как вернется брат. А масса... Масса – это дело нужное, набирать интереснее, чем скидывать. Что же до сигарет, то вон и Гирич, по рассказам, курил – и бросил же, ничего.

Наконец Андрей перебрался из раздевалки в тренерскую и затолкал спортивную форму в сумку. Расписался в журнале, сунул в карман оставленную на столе обертку от сникерса, вышел к тренажерам и привел в порядок стол. Прошелся по залу, поправляя лавки, укладывая аккуратно – по весу – гантели, снимая блины с грифов и нанизывая на специальные стойки в углу.

– Все вы, Андрей Николаевич? – спросила гардеробщица. – А я вот еще посижу, сторож задерживается.

Сторож задерживался два раза из трех.

– Опа-аздыхает, – Андрей поправил гардеробщицу, попрощался с ней и вышел на крыльцо. Натянул на голову – волосы еще влажные, сколько их ни вытирай – капюшон, закурил. Отзвонился Витьку – «вышел, ждите, все не выпивайте», – родителям – «отработал, еду к ребятам, все хорошо» – и зашагал, пружиня и насвистывая, раскачивая на плече сумкой, через дворы.

Возле остановки не сдержался и догнал троллейбус, запрыгнул в сходящиеся уже двери, выдернул из их хвата – разве это хват? вот у Гирича хват – сумку, оплатил билет и проехал, держась за поручень, две остановки, вышел перед домом Кукушкиной – самым высоким в городе, часы на башенке, двор с шлагбаумом, консьерж в подъезде.

– Вы в сто восьмую? – спросил консьерж.

– В сто восьмую.

– Не шумите слишком сильно.

– Я – лично?

Консьерж рассмеялся в усы.

– Вы все, молодежь.

Андрей кивнул, постоял в лифте – стянул капюшон и пригладил волосы, перекинул сумку с одного плеча на другое, прихватил ее вальяжно – и вышел на нужную площадку, издали услышал знакомые голоса.

Дверь в квартиру Кукушкиной была приоткрыта – ради него, – на кафельный пол вываливалась широкая полоса света.

– Кто-кто в теремочке живет? – пробасил Андрей и шагнул за порог. Тут же на него обрушились шум и смех, музыка, моргание разноцветных ламп и яркий свет обычных. В квартире – квартира? дворец! – пахло едой, и Андрей понял, что страшно голоден, но вот усталости в нем нет ни грамма, и он готов, попроси его кто, даже повторить целиком тренировку – дважды! трижды!

– Прибыл наконец, – нетрезво похлопал его по плечу Витек, сжал протянутую руку.

Выбежала из кухни Кукушкина, повисла у Андрея на шее, чмокнула в щеку.

– Мы уж думали, ты все! – воскликнула она и надула щеки. – Потерялся!

– С вами потеряешься... – проворчал картинно Андрей и разулся, пристроил сумку в углу, под вешалкой. – Консьержа зачем пугаете?

– Дядь Колю? – удивленно заморгала Кукушкина. – Мы не пугали!

– Говорит, в сто восьмой беспорядки, дебош, соседи жалуются... – сочинял на ходу Андрей. – Еще немного – и наряд будет вызывать...

Кукушкина запаниковала, бросилась обуваться, Андрей поймал ее за локоть.

– Шучу я, шучу!

И закрылся в ванной, зашумел водой.

– Дурак ты, Андрей, я же поверила! – смеялась Кукушкина через дверь. Андрей умылся, пригладил водой волосы – а когда вышел, в коридоре уже никого не было, и все шумели в кухне.

– О-о-о! – заголосили за столом, когда Андрей показался на пороге кухни. – Андрэ! Наливайте ему, наливайте! Ты что пьешь?

Почти всю кухню – огромную – занимал круглый стол, заставленный бутылками и едой.

– Что пью... – задумался Андрей.

– Да коньяк он пьет, вы еще спрашивать будете! – Ему протянули рюмку, он опрокинул ее в рот, не поморщившись, покачал над столом рукой и двумя пальцами подхватил с блюда оливку, бросил вслед за коньяком, задвигал челюстями.

– А что у вас духота такая? – спросил он деловито. – Дышать нечем.

– А правда! Чего у нас душно так! – загомонили все. – Откройте-ка окна!

Витек дернул на себя окно, и в кухню хлынул прохладный влажный воздух.

– Ай да Андрэ! Пришел и навел свои порядки! Наливайте-ка ему вторую!

Андрей выставил перед собой ладонь – видят на ней мозоли от турника? – покачал головой.

– Не хочу коньяк.

И показал на запотевшие бутылки с пивом.

– Пива хочу, с ним жидкость лучше усваивается.

– Ишь ты, кочевряжится еще! Жидкость ему усваивается!

Но ему выделили бокал с каким-то гербом на фоне итальянского флага и даже наполнили, а кто-то подвинулся, чтобы можно было поставить еще один стул.

– А стульев больше нет, – развела руками Кукушкина. – Придется нашему Андрюше сидеть на табуретке.

Андрей фыркнул, подхватил предложенную табуретку одной рукой, поставил между стульями и уселся – табуретка еще и лучше, на ней только с ровной спиной сидеть можно, ни развалиться, ни в вопросительный знак согнуться.

Он отхлебнул пива – ледяное, душистое! – и потянулся за пищей, взял себе сразу два куса, умял махом, положив один на другой, выдержал из пирамидки что-то куриное, захрустел панировкой.

– Вот это Андрэ! – снова захохотали остальные. – Аппетиту нагулял!

– Сделайте погромче! – завизжали девчонки, имея в виду не хруст панировки, а телевизор. – Наконец-то что-то нормальное!

Нашли среди тарелок пульт, выкрутили громкость, и на всю квартиру запищал тонкий девичий голосок, положенный на клубный бит – тум-бум, тум-бум-бум. По экрану забегали красотки с досками для серфинга.

Кто-то пустился в пляс.

И началась – точнее, продолжилась – обычная для таких вот вечеров попойка – с хохотом, песнями, выпиванием «на слабо», походами на лоджию и задушевыми беседами, которые в один миг сменялись гвалтом и гоготом. Андрей пил пиво, но раз согласился и на коньяк, и даже на виски – «по маленькой, за компанию», – наедался от пуза, мор-

щился снисходительно на музыку и шутки товарищей. Он сидел прямо, напрягая спину, поигрывая желваками, – и чувствовал себя сильным и молодым, полным энергии, самым широкоплечим и высоким, самым мужественным и крепким из присутствующих – хотя это, конечно же, было совсем не так.

– Мы вон с Андрюхой до ночи байки травили, да, Андрюх? – звал его через стол Витек.

– Травили, – кивал солидно Андрей. – Было дело.

Витек начинал рассказывать про заброшенные бункеры и тоннели метро, но его не слушали – выбирали канал, под который сидеть лучше всего. Кто-то голосовал за музыку и клипы, кто-то требовал футбол или баскетбол, кому-то позарез нужен был выбранный наугад фильм, чтобы «фонил, но при этом не бездумно»...

С лоджии открывался вид на площадь и проспект, разделенный зеленой, газон и кустики, полосой. По пустынной, в оранжевом свете фонарей, площади метался ветер, по проспекту тащились нехотя редкие автомобили – в основном такси. Гудели, рассыпая из-под рогов искры, троллейбусы. Время от времени ветер с ревом врывается в лоджию и опрокидывал табачный дым на лица курящих, взметал над пепельницей серебристые облака. В такие моменты девчонки жмурились и принимались фыркать, просили прикрыть окно, и кто-нибудь прикрывал – оставляя тонкую щель. Тут же лоджию заполнял дым – набившиеся точно в тумане стояли, всем резало глаза, кто-нибудь обязательно под всеобщий хохот садился на корточки.

Андрей стоял посреди тумана как изваяние – ни один мускул не дрогнет, – если теряли равновесие, то хватались за него одного, опирались, хохоча.

Возвращались, распахивая окно на лоджии настежь – пусть проветрится, – и разбредались по огромной, пять комнат, квартире: жевали и звенели бокалами в кухне, играли в приставку в комнате Кукушкина-младшего – брата Кукушкиной, – откровенничали, сидя в креслах в гостиной, среди книжных шкафов и картин в витиеватых рамах.

Андрей блуждал из комнаты в комнату, разговаривал то с одними, то с другими, сел за мафию и тут же вылетел, поигрывал мышцами, полагая, что все видят, как он меняется, басил даже нарочно.

– Андрэ! – крикнули ему. – Ты чего базишь? Горло болит?

Андрей кашлянул смущенно, потом нашелся и хохотнул, запрокинув голову:

– Пубертат!

– Не поздновато для пубертата? – засмеялись остальные и тут же забыли про Андрея, увлеченные мафией.

Раз Андрей остался на лоджии один на один с Кукушкиной. Похвалил ее организаторские способности, спросил, куда подевались родители и брат – «за городом, в коттедже», – отпустил шутку-другую про консьержа, засмотрелся на проспект.

– Народу навалило, ужас, – пожаловалась Кукушкина, тоже глядя на проспект. – Мне два дня еще убираться придется.

Она курила тонкие и ванильные – и стряхивала пепел, постукивая по сигарете указательным пальцем, точно мышкой щелкала.

– Лишь бы не разбили ничего, – склонил голову набок Андрей.

– Тех, кто может что-то разбить, я домой не пускаю, – мотнула головой Кукушкина, и ее светлые волосы, завитые крупными прядями, закачались вокруг лица.

Андрей вспомнил, что в прошлом году, в один из таких вот вечеров, здесь же, у Кукушкиной, разбил не бокал даже, а целый графин, – и посмотрел на нее с прищуром: подтрунивает? или забыла?

– А ты, Андрей, прямо... – она сжала ладонями невидимый прямоугольник, – возмужал... Только бородка эта...

И она со смешком потянулась к его подбородку. Андрей мягко перехватил тонкое запястье.

– Но-но, дамочка.

Кукушкина рассмеялась, выдернула руку, отступила на шаг и прислонилась к дверному косяку, затянулась сигаретой. Андрей посмотрел на нее внимательно – красивая, конечно, с этим не поспоришь, и стройная... А вот с Кирой все равно – не сравнить. И никого из присутствующих – не сравнить. Кукушкина вот малюется как индеец – глаза, губы, все подведено, выделено, а зачем? И волосы – крашенные. И ногти, как у росوماхи, – как с такими ногтями гантели держать? как наушники в уши вставлять?

– Кукушкина?

– А?

– А как ты с такими ногтями живешь вообще? Это же неудобно.

Кукушкина перебрала воздух пальцами, посмотрела на них так, словно видела впервые. Ногти засверкали, запереливались разными цветами.

– Зато красиво. Красота требует жертв.

Андрей хмыкнул, посмотрел на проспект.

И духи у Кукушкиной – вроде и вкусно пахнут, отсюда чувствуется, а как-то вязко, приторно.

Когда вернулись с лоджии, Кукушкина ахнула: в коридоре под улюлюканье и свист боролись в шутку двое отличников – лучшие друзья, не разлей вода с первого курса, – катались по полу, фыркая и сопя.

– Не разбейте ничего! – испугалась Кукушкина.

– Не разобьем... – пропыхтел один, заворачивая под себя ногу второго. – Сдавайся, говорю...

– Хрен тебе...

Андрей смотрел на то, как отличники вытирают животами прихожую, и вспоминал, как в прошлом августе в качалке вот так же боролись спасатели – в коридорчике, задевая могучими локтями грушу. Вот это была борьба! Стены дрожали, гардеробщица за сердце хваталась, Гирич кивал уважительно, а это... Смотреть стыдно.

«Показать им, что ли, класс?» – подумал Андрей и усмехнулся сам себе. Что он, в самом деле? Как ребенок.

Отличники, наконец, выдохлись, их подняли, дали выпить, они пожали друг другу руки и пошли распевать песни. Все вернулись в кухню, расселись за столом и принялись доедать недоеденное, а потом пили и пели, и назначали ответственных за «экватор», и разглядывали грамоты Кукушкиной – олимпиады, кружки – и ее фотографии из зимней поездки в Европу, на фестиваль, и снова ходили на лоджию, и Кукушкина порывалась царапнуть Андрея ногтем по подбородку, и кто-то сложил из бумаги самолетик и выбросил в окно, и все смотрели долго, завороченные, как самолетик то взлетает к самым облакам, то пикирует и кружит, выводит вензеля над площадью, не желая опускаться... А затем отличники снова боролись, уже всерьез, их разнимали и мирили, и гостиную с креслами и шкафами отвели под танцпол, перетаскивали даже туда светомузыку...

А потом Кукушкиной позвонил консьерж и сказал, что вот и вправду жалуются соседи – и сверху, и снизу, и даже по диагонали. Кукушкина стала извиняться, пообещала не шуметь, выключила музыку и запретила отличникам бороться – они обрадовались, – а затем стала понемногу всех спрашивать.

Девчонкам было позволено заночевать – с тем чтобы утром помочь с уборкой.

И еще один – лучший игрок в мафию, победитель во всех ролях – на радостях от своего чемпионства совсем уж перебрал, намешал всего, что только нашел, и теперь спал беспробудно прямо в кухне, на тахте, свернувшись калачиком. Его тоже решено было оставить – пусть себе спит.

Консьерж, когда выходили, демонстративно отворачивался от окошка, смотрел, шевеля усами, в телевизор.

Прощались на площадке перед подъездом – обнимались, трясли, пожимая, руки. Кукушкина – в облаке духов, в разметаемых ветром локонах – попросила Андрея не обижаться на шутки про бородку, потребовала не бриться до следующей встречи.

– Ох, дождешься ты, Кукушкина, – с напускной строгостью качал головой Андрей. – Приду бородатый и ка-ак поразнесу у тебя там графинов!

– Ой! – вспомнила Кукушкина. – Это же ты графин разбил! – и склонила голову лукаво, погрозила разноцветным ногтем. – А чего я тогда тебя пустила?.. Непорядок...

Андрей махнул на нее рукой и отвернулся, закурил.

Потом ахнул и попросил у Кукушкиной ключи, побежал наверх – за сумкой.

Разъезжались на такси – скидывались по несколько человек, набивались в салон. Андрей ехал с Витьком и отличниками – жили в одной стороне. Пока ехали-несли по ночному городу, неподвижному и оранжевому, смеялись, делились впечатлениями от вечера, прикидывали, когда будет следующий, отличники клялись друг другу в вечной дружбе.

– Эт все синька проклятая! – злился один отличник, зажевывая неотрезвоненное слово. – Ей что друг, что... брат-сват...

– Я вообще пить не хотел... – отвечал второй. – А ты все... пей-пей...

– Андрюха вон не хотел пить и не пил, – вклинивался Витек. – Цедил себе пиво.

– Да все равно несколько рюмок... – отмахивался Андрей, чувствуя, что его укачивает несмотря на то, что он сидит спереди. – Пришлось...

Он высаживался первый – и попросил водителя остановиться за несколько дворов от дома, возле круглосуточного ларька.

– За пивком? – рассмеялся Витек. – Да, Андрюх?

Андрей изобразил тошноту. Такси притормозило у обочины, Андрей пожал через плечо руки, вышел, хлопнув дверью, съежился и жестами попросил у водителя прощения. Потом перехватил сумку поудобнее и шагнул к ларьку, заглянул в пахнущее конфетами окошко.

– Жвачку, пожалуйста. Мятную.

Забрал жвачку, тут же разорвал фольгу, бросил в рот две подушечки. Закурил, постоял, покачиваясь, посреди улицы – темной и тихой, только ветер гудит в подворотнях – и зашагал в сторону дома.

Над тротуаром нависали густо ветви – налетит ветер, и зашумят, – сквозь них видно было желто-серую пелену облаков. Там, где облачные лоскуты стягивались друг с другом, пробивался лунный свет, рисовал мутные и извилистые узоры.

Андрей шагал, и курил, и покачивал сумкой – и чувствовал, что прохладный ночной воздух и тишина действуют на него отрезвляюще. Он даже свернул к троллейбусной остановке – поравнявшись с ней, той самой, от которой днем уезжал в качалку, – и посидел немного на лавке под навесом, поболтал по-детски ногами.

Мышцы понемногу начинали ныть – сказывалась усталость.

– Ит вос э ло-онг дэй, – пробормотал нараспев Андрей, глядя на то, как под фонарем скользят по асфальту тени ветвей.

Подул ветер – и зашумело по всей улице листвой, точно морским прибоем. А затем раздался электрический гул, шипение, и от перекрестка завернул на улицу, пополз к остановке троллейбус. Андрей, болтая ногами, присвистнул – ходят еще?

«Нет, наверное, – усомнился он тут же. – Ремонтировали или что-нибудь вроде того, а теперь перегоняют в депо...»

Троллейбус полз, полз, таращась в темноту круглыми фонарями, громыхал и скрипел – а прямо напротив Андрея затормозил, остановился с судорогой, раскрыл, лязгнув, двери.

Кондуктора в ярко освещенном салоне не было, пассажиров тоже. На Андрея дохнуло горячим моторным воздухом, наэлектризованным.

«Решил, наверное, подхватить по доброте душевной, – подумал Андрей. – Может, и за проезд не взял бы».

– Спасибо, я не еду! – крикнул он водителю, которого не видел за изгибом кабины.

Троллейбус стоял, потрясываясь.

– Не еду я! – крикнул Андрей громче и махнул рукой с сигаретой. – Просто так сажу!

Троллейбус еще подрожал немного, а затем сомкнул натужно двери и снялся с места, пополз прочь. И долго Андрей смотрел ему вслед – курил и болтал ногами. И по мере того, как троллейбус удалялся, и на смену гулу и громыханию возвращалась прежняя тишина, Андрей болтал ногами все неохотнее – на курении ничего не сказывалось, – а когда зад троллейбуса превратился в светящийся квадратик в конце улицы и скрылся, Андрей ногами болтать и вовсе прекратил.

Ему вдруг стало жутко – и по широкой, обвитой мышцами спине, побежали волна за волной мурашки.

– Во блин, – выдавил из себя усмешку Андрей и спрыгнул с лавки. – Надо будет Витьку рассказать...

И ему мигом вспомнились все истории, которые он читал накануне, и мурашки перестали выдерживать порядок волн, а посыпались сплошным потоком.

У него даже дыхание перехватило.

– Воу-воу, Андрей Николаевич, – сказал он сам себе и зашагал в сторону дома. – Ты чего размяк?

Звук собственного голоса на фоне притихшей – даже ветер унялся – улицы только добавил жути. Чтобы избавиться от постыдных мурашек, Андрей принялся раскачивать сумкой, насвистывать одну веселую мелодию за другой – но как только он переводил дух и набирал в легкие воздух для следующей партии, мурашки возвращались.

«А вот Гирич, – думал Андрей. – Он бы как себя чувствовал на моем месте?»

И ему казалось, что все – и Гирич, и спасатели, и хирург, не говоря уже о тщедушных одноклассниках, – все на его месте покрывались бы мурашками и искали бы способ себя подбодрить.

«Это еще не все свистеть умеют, – выдыхал Андрей. – Им петь, что ли?.. Да закончится эта улица когда-нибудь?»

И ускорял шаг.

Самым жутким было пройти мимо двери на первом этаже – в подъезде. Сперва Андрей хотел просто пронестись мимо нее, как пронесился, не глядя, детстве, если гулял допоздна и возвращался домой затемно, – но потом разозлился на себя и поднялся на площадку медленно, держась за перила, а на площадке и вовсе остановился и, стиснув кулаки, оглядел дверь – разохшуюся, с замазанным краской глазком и черной щелью замочной скважины. И только потом, чувствуя себя героем-богатырем, но и не оборачиваясь, двинулся наверх. Добрался до своего этажа и вышел на балкончик, выкурил вполоборота к лестнице сигарету.

От опьянения не осталось и следа.

По квартире Андрей передвигался на цыпочках, не зажигая свет, – чтобы не разбудить родителей. Умылся наощупь, стараясь не думать про зеркало – не то чтобы смотреть в него, – переделся, задернул шторы и сел за компьютер.

Витек уже был дома – и в сети – и на появление Андрея отозвался градом смайликов.

«Во Витек, – подумал Андрей. – Приехал – и за комп».

Андрей в подробностях, разбивая рассказ на сообщения – чтобы выдерживать паузы, – описал происшествие с троллейбусом. Описал и пожалел: «Поржет, блин, сейчас... Взрослый мужик, а тралика испугался».

Но Витек ржать не стал, а воспринял историю с энтузиазмом – и тут же высыпал на Андрея с десятков городских легенд про троллейбусы-автобусы-трамваи и даже такси, которые разъезжают по ночным улицам в поисках запоздалых пассажиров, а потом везут их то в прошлое, то в параллельный мир, то вообще на тот свет.

Андрей снова покрылся мурашками – и уже не казался себе героем-богатырем. «Пугать меня вздумал? – разозлился он на Витьку. – А на-ка тебе». И полез искать что-нибудь особенно жуткое – чтобы переслать Витьку.

И пошло-поехало. Читают и пугаются, пугаются и читают. На часы посмотреть страшно, не то что обернуться. Хочется курить – но не хочется в подъезд. Вообще никуда из комнаты выходить не хочется – но ладно, вон хоть родители спят, слышен отцовский храп. А каково Витьку?

Андрей уже хотел спросить у Витьки, каково тому сидеть в пустой квартире? Свет, наверное, везде горит, музыка какая-нибудь играет, чтоб не тишина... Хотел – но не спросил. Решил, что да, это будет с его стороны слишком жестоко.

Наконец усталость победила страх – и Андрей, вымотанный, с пересохшим ртом и ноющими мышцами, попрощался с Витьком, погасил монитор и повалился спать. Последние силы ушли на то, чтобы расстелиться, – едва голова Андрея коснулась подушки, он погрузился в глубокий и спокойный сон, точно под воду ушел.

И проснулся только к обеду.